

В памяти прежней хозяйки тела отец всегда был занят: то разведкой полезных ископаемых, то транспортировкой руды. Между отцом и дочерью зияло столько пустоты, что она могла с лёгкостью сочинить любую историю.

Предложение Цзян Жань заставило Ци Лянь приподнять бровь:

— Пожить с тобой?

Держа в руках наушники, Ци Лянь испытала крайнее удивление. Она-то знала: Цзян Жань, должно быть, не любит жить вместе с ней.

Пожалела из-за приступа?

В душе Ци Лянь поднялась целая буря эмоций. Глупышка.

Цзян Жань, наблюдая за выражением её лица, заметила странность и решила, что та не хочет переезжать.

— Не спеши отказываться, — принялась она уговаривать. — Я знаю, жить вне дома тебе неудобно. Но эти неудобства всё же легче преодолеть, чем постоянно рисковать буйством ментальной силы, правда?

Услышав это, Ци Лянь снова почувствовала неловкость. Эта глупышка Цзян Жань даже не догадывалась, что она сама уже подумывала о переезде, а теперь так серьёзно её уговаривает. Изначально же Цзян Жань явно хотела жить свободно и одной.

У Ци Лянь мелькнуло желание отказать.

Она не могла так спокойно пользоваться чужой добротой.

Но прежде чем она успела открыть рот, Цзян Жань, увидев, что та, кажется, собирается покачать головой, поспешила добавить:

— Ладно, знаю, ты сильная. Ты крепко стоишь на ногах и ни в ком не нуждаешься. Но, Ци Лянь, в мире столько разных истин. Ты говоришь, человек не может вечно зависеть от другого — и это верно. Но я слышала и другое: тетива лука не может вечно быть натянутой. Ты — сильная. Но иногда можно и положиться на меня. У меня есть то, что тебе нужно, а мне это не причинит вреда. Почему же ты так глупо от этого отказываешься?

— Цзян Жань... Мы же просто партнёры. Тебе не нужно так хорошо ко мне относиться.

Цзян Жань улыбнулась — словно весенний цветок, сменивший зимний снег, принося с собой тепло ранней весны.

— Именно потому, что мы партнёры, я и хочу быть к тебе добра. Я же сказала: это просто значит проводить с тобой больше времени. Для меня это не обуза. Так что не чувствуй себя обязанной — я тоже хитрая и эгоистичная.

— В конце концов, мне не придётся ничем жертвовать.

Слова были до неприятного практичными. Но даже эта прагматичность не могла полностью скрыть доброту, таившуюся за ними.

Эта девушка — твёрдая в словах, но мягкая в душе. Ци Лянь подумала, что ей повезло.

Из тридцати семи кандидатов Федерации и Империи она выбрала такую добрую девушку.

Глупышку.

Она мягко кивнула:

— Тогда, пожалуйста, позаботься обо мне немного больше.

— Не стоит быть такой церемонной. Разве ты тоже не заботишься обо мне? Честно говоря, мне было неловко всё время принимать твою помощь. Теперь же всё в порядке — мы на равных. «Подари мне папайю, а я отдарю тебе нефритом» — мне нравится, когда всё честно.

Цзян Жань, улыбаясь, протянула руку, взяла ладонь Ци Лянь и слегка потрясла её.

— Приятного сотрудничества.

Мягкое прикосновение ладоней, лёгкое тепло, дошедшее до самого сердца. Ци Лянь сжала губы:

— Приятного сотрудничества.

Коротко пожав руку, Цзян Жань вспомнила о своём маленьком секрете и предупредила:

— Ах да, ещё кое-что. Я хорошо готовлю.

— А? — не поняла Ци Лянь.

— Так что, когда переедешь, не удивляйся, если будешь часто заставлять меня на кухне. И повара брать с собой не надо.

— ...О, — промолвила Ци Лянь.

Готовка? Странное хобби. Она кивнула, не придав этому значения.

Возможно, для простых людей кулинария — нечто необычное. Но Ци Лянь с детства, за исключением времени на поле боя, всегда была окружена поварами. Мысль о том, что Цзян Жань умеет готовить, не вызвала у неё особых эмоций.

В конце концов, лучшие повара всегда служили королевской семье. А эта глупышка Цзян Жань... наверное, просто развлекается.

К счастью, Ци Лянь и так не придавала еде большого значения. Лишь бы было съедобно. Что ж, повара не будет.

Хотя «молодые» и договорились, Ци Лянь, конечно, не могла переехать мгновенно.

Она провела несколько дней в поместье. В это время Цзян Жань ходила на занятия, а после возвращалась к ней, проводя в пути около полутора часов.

К счастью, это длилось недолго. В четверг Ци Лянь переехала в её квартиру.

— По сравнению с тем, где ты жила раньше, моя квартира, наверное, маловата.

Одежда, украшения, машины, книги по Брайлю... Личных вещей у Ци Лянь было много. Но,

переезжая, она взяла лишь одну сумку, ничего более. Помощи Цзян Жань она не просила, сказав, что необходимые вещи привезут позже.

— Размер квартиры для меня не так важен. Чем меньше пространства, тем меньше хлопот — не нужно тратить время на привыкание.

С этими словами Ци Лянь вошла следом за Цзян Жань, машинально оглядываясь, хотя ничего не видела. Это была просто естественная реакция на незнакомую обстановку.

— Ну и хорошо.

Цзян Жань провела её по квартире: вот спальня, вот ванная, вот шкаф... Всё нужно было объяснить. Ци Лянь, ведомая за руку, ступала осторожно, но справлялась куда лучше обычных слепых. Цзян Жань объясняла, что к чему, а Ци Лянь внимательно слушала и кивала.

Однако из-за слепоты даже после такого обхода ей было сложно выстроить в голове точный план квартиры. А у Цзян Жань не было опыта ухода за слепыми. Видя, что Ци Лянь кивает, она решила, что та всё поняла. Обойдя квартиру, она по просьбе Ци Лянь отвела её в кабинет, а сама отправилась на кухню.

На кухне зажурчала вода, затем послышался стук ножа, щелчок зажигалки... Звуки сменяли друг друга, словно части одной мелодии.

В кабинете Ци Лянь достала из сумки книгу и, проводя пальцами по страницам, читала.

«Чтение» книг, прослушивание лекций, видеозвонки с семьёй в Империи, доклады подчинённых — почти всё это происходило в четырёх стенах. Ранее она говорила Цзян Жань, что быстро привыкнет, — и это не было ложью.

Потому что её жизнь была скучной.

Бег — нельзя. Игра в мяч — нельзя. Гонки — нельзя.

Лыжи — нельзя. Верховая езда — нельзя. Стрельба — нельзя.

Слово «нельзя» звучало слишком часто, и она постепенно перестала выходить из дома. Единственным спортом, который она ещё любила, оставалось плавание. Она плавала трижды в неделю. Но ей не нравилось, когда за ней присматривали, как за инвалидом. А плавать одной было опасно — можно было удариться головой. Поэтому в бассейне поместья установили датчики: они предупреждали её о приближении к стенке.

Иногда она играла в карты — специальные, с выпуклыми значками. Но приходилось оглашать каждую выложенную карту, что было утомительно. К тому же она всегда выигрывала, и постепенно партнёров по игре становилось всё меньше.

Что оставалось? Она пристрастилась к чтению.

Звучало смешно. В детстве она ненавидела книги. В самый разгар бунтарства готова была уничтожить всё, что связано с учёбой.

Но её бунт не успел завершиться — появилась Королева жуков, и она отправилась на войну.

Дальнейшее, наверное, знала вся галактика. Она убила Королеву жуков и потеряла зрение.

Без глаз одиночество въелось в душу, и уже не выгонишь. Позже, на сеансах у психолога, она обнаружила, что учёба помогает временно забыть о нём.

Так она полюбила учиться.

С пятнадцати до двадцати трёх лет она изучила множество вещей: языки, науки. Больше всего ей нравилась история, но лучше всего она разбиралась в биологии — словно в насмешку, она получила докторскую степень за работу с глубоким анализом физиологии насекомых.

<http://bllate.org/book/15936/1424372>